

УДК 94(476)«17/18»

Эволюция религиозной политики российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века

П.В. Шевкун

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

В результате разделов Речи Посполитой в состав Российской империи были включены территории преимущественно с неправославным населением. Правительство Екатерины II пыталось закрепить свою власть на присоединенных белорусских и литовских землях, не меняя основ сложившейся конфессиональной политики. Однако российская монархия, опирающаяся на православие, не могла восприниматься полностью легитимной со стороны неправославной аристократии новых земель. Решению этой проблемы были посвящены варианты конфессиональной политики Павла I и Александра I.

Павел I, исходя из мистического понимания царской власти, планировал наполнить монархическую идею новым содержанием для того, чтобы она могла противостоять революционным тенденциям и атеистическим идеям времени. Александр I выстраивал свой вариант конфессиональной политики, исходя из идеи внецерковного христианства.

Провал проектов Павла I и Александра I был связан с оппозицией гегемонистским устремлениям России на международной арене и развивающимся национальным движением, использующим конфессиональную принадлежность подданных империи в своих целях.

Республика Беларусь является поликонфессиональным государством. В целях оптимизации церковно-государственных отношений становится востребованным опыт прошлого. Среди этапов конфессиональной истории Беларуси выделяется период 1772–1825 гг. В это время белорусские земли вошли в состав Российской империи. Одновременно наблюдались изменения и в религиозно-конфессиональной политике.

В работах белорусских ученых (Е.Н. Филатовой, Е.К. Анищенко, С.В. Морозовой, С.Я. Куль-Сильверстовой), затрагивающих конфессиональную политику Российской империи на белорусских и литовских землях, пока недостаточно прослежена связь между государственной идеологией и правительственными мероприятиями в отношении конфессий северо-западных губерний империи. В работах российских историков как дореволюционных, так и современных практически не рассматривалось влияние конфессиональной структуры белорусско-литовских земель на политику в сфере государственно-конфессиональных отношений. Польские исследователи традиционно концентрируют внимание на истории католических и, отчасти, униатских епархий, однако не углубляются в анализ особенностей российской конфессиональной политики.

Целью данной работы является анализ российской конфессиональной политики в 1772–1825 гг., определение ее характерных черт, проявившихся в результате присое-

динения к империи белорусских и литовских земель.

Материал и методы. Основой исследования послужили опубликованные источники, статистические данные и историография по данной проблематике. В методологическое основание работы положены принципы историзма и объективности в сочетании с ценностным подходом. Использовались: историко-генетический, хронологический, логический методы, а также системный подход.

Результаты и их обсуждение. К концу XVIII в. Россия превратилась в крупнейшую политическую силу Европы, Великая французская революция дала основание российским самодержцам рассматривать себя как опору монархии и христианских ценностей в Европе.

Присоединенные земли Речи Посполитой имели для России особое значение. Их конфессиональный состав отличался от европейской части России. Из 3 млн 850 тыс. человек (на 1791 г.) католики составляли 1 млн 470 тыс., униаты – 1 млн 500 тыс., православные – 250 тыс., старообрядцы – 140 тыс., протестанты – 60 тыс. [1]. Конфессиональная структура белорусско-литовских территорий империи явилась своего рода катализатором перемен в идеологии и, прежде всего, в религиозной политике. Новым обстоятельствам не соответствовала в полном объеме ни петровская идея Великой России, ни тем более допетровская идея Святой Руси. Перед Екатериной II и ее преемниками возникла задача утвердить свою власть на новых землях и выработать принципы конфессиональной политики в изменившихся условиях.

Основные контуры новой конфессиональной политики были намечены в правлении Екатерины II. Екатерина II стремилась представить свою власть на землях Беларуси и Литвы как новую законную силу. В этом не было чрезмерных притязаний, так как европейская монархия выросла из феодальных отношений и присяга на верность правителю рассматривалась как необходимое условие утверждения его власти. Екатерина II, сохраняя имения и распространяя дворянские сословные привилегии на шляхту, требовала принесения присяги. Власть и новое дворянство должны были воспринимать друг друга как элементы единой государственной системы. В этой связи действия шляхты, выступающей за восстановление Речи Посполитой, воспринимались императрицей как действия «дерзких и развратных бунтовщиков, изменяющих присяге и Отечеству своему» [2]. Однако сословная политика была лишь одним аспектом процесса легитимации власти российской монархии на присоединенных землях. Важнейшая роль в нем отводилась государственно-конфессиональным отношениям. Монархическая власть «выросла из церкви, из церковного идеала, органически связана с церковью и по идее, и по установлению» [3]. В акте коронации концентрируется смысл и значение монархии, а церковная организация, высший иерарх которой ее проводит, становится освящающей государственную власть структурой. Поэтому единоверие власти и подданных являлось естественным условием существования монархии. В период абсолютизма связь религии и монархии была не так заметна, однако никоим образом не отменялась блеском императорской власти. Разница в вероисповедании российских властей и белорусско-литовской шляхты, в основном католической, делала незавершенным процесс консолидации привилегированного сословия империи.

Екатерина II ясно понимала связь своей власти с православием и, будучи, по ее

собственным словам, «начальницей своей Церкви», стремилась если не решить проблему, вытекающую из разноречия, то максимально ее сгладить. Это достигалось, во-первых, тем, что императрица не стремилась к активному вмешательству в конфессиональную ситуацию на присоединенных землях. Свобода вероисповедания являлась одной из основных привилегий, гарантированных императрицей шляхте. До 1780 г. просьбам белорусского православного епископа Георгия Конисского о присоединении униатов к православной церкви не давалось ходу. Только с 1780 г. при условии соблюдения секретности были разрешены действия, иницирующие переходы в православие. Однако они вызвали массу административных и юридических проблем для властей [4] и в большинстве случаев произошли лишь на землях, чьими владельцами стали русские: П.В. Завадовский, И.Н. Михельсон, Н.Л. Воронин, И.Н. Римский-Корсаков, Д.В. Каховский и др. [1, с. 101]. Численный рост православной конфессии в указанное время не имел для властей принципиального значения, ибо шляхта не меняла вероисповедания. В условиях абсолютизма именно аристократия являлась естественной опорой трона. Во-вторых, Екатерина II требовала принесения верноподданнической присяги от духовенства и монашества. В-третьих, предпринимались действия по присвоению императрицей права управления католической и униатской церквами. В 1772 г. католический и униатские архиереи по экономическим вопросам были подчинены Лифляндской, Эстляндской и Финляндской юстиц-коллегии [1, с. 20]. На высшие церковные должности Екатерина II выбирала кандидатуры по своему усмотрению. Так были назначены С. Богуш-Сестренцевич, И. Лисовский [1, с. 26]. Папа был вынужден утверждать решения Петербурга. В-четвертых, Екатерина меняла границы католических и униатских епархий, создавала новые. В 1773 г. была создана Белорусская католическая епархия [1, с. 20]. В 1783 г. – Могилевское католическое архиепископство и консистория [1, с. 20]. Указом 6 сентября 1775 г. созданы две новые католические епархии с консисториями: Пинская и Инфляндская. В 1775 г. были ликвидированы все униатские епархии. Оставалось только Полоцкое униатское архиепископство [1, с. 25].

В действиях императрицы прослеживается не только абсолютистская, идущая от Петра I, тенденция. Екатерина II показывала еще и заботу об экономическом и административном устройении неправославных, прежде всего католического и униатского, вероисповеданий в империи. В этой связи примечательна история с орденом иезуитов в России. Известно, что Екатерина отрицательно относилась к ордену. Она считала, что иезуиты «не могут быть по законам терпимы в наших областях», а «оставление в их руках училищ вредно правлению» [1, с. 19]. В 1773 г. выходит бреве Клементя XIV, в котором заявлялось о роспуске ордена иезуитов. Несмотря на собственные взгляды и позицию Папы, императрица не распустила орден, и в 1783 г. Папа согласился с его существованием в России. На решение монарха повлиял ряд факторов, среди которых фактор поддержки ордена на белорусско-литовских землях был далеко не последним [1, с. 21]. Екатерине II представился удобный случай показать себя радетельницей об интересах католичества не меньшей, а в данной ситуации даже большей, нежели понтифик. Этими мерами она хотела оправдать свою власть над католической администрацией и в очередной раз показать, что, даже будучи православной, способна заботиться об интересах всех своих подданных.

Таким образом, императрица стремилась в условиях присоединения земель Речи Посполитой приспособить российскую православную монархию к изменившейся конфессиональной ситуации в стране. Однако указанные мероприятия не представляли собой продуманной и цельной политики. Одна из центральных проблем монархического правления – проблема легитимности власти в глазах инославного населения и аристократии в особенности – решена не была. Ее решение требовало выработки особой универсальной религиозной концепции императорской власти, которая позволила бы видеть своим государем российского императора и православным, и католикам, и протестантам. Сложность проблемы заключалась также в том, что изменения в характере императорской власти не могли не затрагивать интересы Рима. В результате новая религиозная концепция должна была быть не только общеимперской, но и претендовать на статус общеевропейской. Попытка создания такой доктрины связана с именем Павла I – преемника Екатерины II.

Правление Павла I было достаточно коротким, но чрезвычайно деятельным. При нем в среднем принималось 42 законодательных акта в месяц, тогда как при Екатерине II – лишь 12 [5]. Значительная часть распоряжений затрагивала конфессиональную сферу. Павел I продолжил политику Екатерины II по централизации и подчинению церковных институтов. В 1797 г. при Лифляндской, Эстляндской, Финляндской юстиц-коллегии был создан новый судебный орган для католиков и униатов – Департамент римско-католических дел. 26 января 1798 г. он был выделен в самостоятельный орган [1, с. 21]. В 1798 г. принят указ «О бытии в империи Российской шести Диоцезиям, или Епархиям римской церкви». 28 апреля 1798 г. были открыты две униатские епархии [1, с. 31]. В 1800 г. в особое ведомство выделялось военное духовенство [6]. Эти мероприятия лишь внешне напоминали политику Екатерины II. Император вкладывал в них гораздо больший смысл. Здесь видны теократические устремления монарха. Они концентрированно выражены положением, сформулированным самим Павлом: «русский государь – глава церкви». Своеобразный принцип, по которому не столько император нуждается в церковном благословении, сколько сам считает необходимым «благословлять церковь». Подобный взгляд позволил Павлу I подняться над конфессиональными различиями. Как отметил Н.Я. Эйдельман, «...покорность верноподданного, исправные платежи перевешивают разницу обрядов и оцениваются по официальной государственно-религиозной шкале выше, чем тонкости вероучений» [5, с. 129]. Правление Павла I характеризуется большей, нежели при Екатерине II, веротерпимостью. В 1798 г. было принято положение о непринуждении униатов к принятию «греческой веры» [1, с. 103]. В 1798 г. Павел I, благоволивший иезуитам, посетил коллегиум в Орше, а в конце 1800 г. Папа получил приглашение царя посетить Петербург [5, с. 79]. Как заметил российский исследователь А. Каппелер, «Павел уважал традиционные институты на окраине империи» [7].

Вместе с тем большое внимание уделялось и православию. В 1797 г. земли архиерейских домов были удвоены [8]. 11 января 1798 г. принят указ об обработке церковных земель прихожанами [1, с. 29]. Указом от 18 декабря 1799 г. общая сумма жалования духовенства повышалась более чем на 112%. В 1799 г. узаконены меры по обеспечению вдов и сирот духовенства [8, с. 397]. Император наметил путь преодоле-

ния раскола в русском православии. Были приняты «Правила единоверия». Давление на старообрядцев заметно снизилось [5, с. 126]. Изменения конфессиональной политики, явившиеся следствием теократических представлений императора, нуждались в дополнительном обосновании. Будучи замкнутой в пределах империи, теократическая идея оказывалась бессмысленной и даже вредной, так как: 1) полный государственный контроль над религиозными институтами и политика относительной веротерпимости существовали и при Екатерине II; 2) в православие вносились представления о характере царской власти, несвойственные не только православию, но и христианству в целом; 3) католическое духовенство, население империи и, прежде всего, аристократия не могли воспринимать власть императора по-новому, ибо в духовных вопросах подчинялись Риму. Таким образом, теократическая идея не могла не подразумевать и подразумевала общеевропейское продолжение. В 1800 г. Павел I обратился с намерением объединения российского православия и римского католицизма. Своеобразие представлений Павла было в том, что он не планировал некий новый вариант религиозной унии. Достаточно было объединения власти. Поэтому российский император видел себя в роли следующего Папы [5, с. 79]. Основные контуры новой религиозной политики подразумевали и социальный аспект. Объединение дворянского сословия вокруг императора должно было усиливаться не только снятием конфессиональных барьеров. Замысел Павла I был более масштабным. Своей деятельностью он хотел вдохнуть в слабеющую монархическую идею и традиционное христианство новые силы. Идеал мальтийского рыцарства призван был противостоять революционному духу якобинства и атеизма. Император, несмотря на свое православие, становится великим магистром ордена. Мальтийский орден был интересен Павлу тем, что, по его мнению, мог объединить под предводительством монарха военные и духовные силы Европы, не взирая на разницу в вероисповедании и национальной принадлежности, организовать их для борьбы с революционным движением и защитить этим существующий порядок в мире. 29 ноября 1798 г. был подписан манифест о создании ордена в России, а 15 февраля 1799 г. утверждаются «Правила для принятия дворянства Российской империи в орден св. Иоанна Иерусалимского» [9]. Павел I не завершил своих начинаний. В результате дворцового заговора в марте 1801 г. он был убит.

В правлении Александра I был предложен новый оригинальный проект. Первоначально император стремился к совмещению екатерининского и павловского подходов в конфессиональной политике. Екатерина писала, что плохо запрещение или недозволение различных вер. Александр I в свою очередь считал, что нетерпимость есть порождение невежества, только образованность и науки обуздают религиозный фанатизм. Действительно, широкая веротерпимость являлась наиболее яркой чертой российской политики этого времени. Были приняты указы о защите униатства. Католикам и православным предписывалось вернуть захваченные у униатов церкви. К 1809 г. униатская церковь состояла уже из четырех епархий [1, с. 31]. В декабре 1813 г. в империи был введен запрет на любую миссионерскую деятельность, в том числе и для православной церкви. Запрещалась межконфессиональная полемика. После провозглашения Царства Польского католицизм был объявлен государственной религией автономии [6, с. 298]. Несмотря на все эти мероприятия, конфессиональной политике не хватало завершенности. Различные силы при дворе старались склонить Александра I в

свою сторону. Масоны требовали не просто терпимого, но уважительного отношения к иноверцам. Традиционалисты выступали за союз православной церкви и верховной власти. Ультрамонтаны (ультракатолики) утверждали, что только католицизм способен надежно укрепить монархию и придать ей соответствующий политическому значению статус.

В условиях приближающейся войны наблюдался некоторый откат к традиционным представлениям. Подтверждалось ставшее уже обычным для России деление конфессий на господствующую, терпимые и нетерпимые. После победы в Отечественной войне 1812 г. изменились значение и статус России на международной арене. Александр I стал вершителем судеб Европы, и вновь, как при Павле I, актуализировалась проблема поиска взаимосвязи между европейскими амбициями России и необходимостью внутренней консолидации империи. В это время окончательно оформилась конфессиональная политика Александра I.

Основной идеей, призванной определить характер Российской монархии, становится идея «общехристианского государства», то есть государства, строящего свою политику на основе внецерковных христианских ценностях. Ее реализация не зависела непосредственно от внешних обстоятельств. В отличие от проектов Павла I (объединение церквей, мальтийское рыцарство или претензии на папский трон), достаточно было государственной воли, соответствующих институтов управления и системы образования. В 1810 г. создается Главное управление духовных дел иностранных исповеданий в статусе министерства для проведения единой религиозной политики. В 1817 г. оно преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения [1, с. 27]. При нем созданы четыре департамента: греко-российского исповедания; римско-католического, греко-униатского, армянского; всех протестантских течений; нехристианских вероисповеданий. Утверждение в обществе идеологии общехристианского государства проводилось как через государственное управление религиозными организациями, так и через систему образования. С этой целью в 1808–1814 гг. была проведена реформа духовной школы [6, с. 426]. Несколько ранее для противостояния религиозной католической реакции бывшая Виленская академия была реорганизована в Виленский университет. При нем для подготовки католических священников создавалась Главная духовная семинария, преподавание в которой было проникнуто духом либерализма [10].

На международной арене европейский статус России не требовалось утверждать. Он уже был утвержден в ходе военных кампаний 1812–1813 гг. Необходимым являлось лишь признание «внецерковного христианства» как идеи, объединяющей европейские монархии. В 1815 г. образовался «Священный союз» в составе России, Австрии и Пруссии. В манифесте, подготовленном Александром I, звучали обязательства монархов править по законам христианской этики, несмотря на различия вероисповеданий. Манифест зачитывали в России по всем церквам.

Таким образом, вследствие определенной внутренней и внешней политики Александр I, казалось, добился воплощения своей конфессиональной программы. Однако изменения в организации управления религиозными организациями и реформы образования не повлияли на консервативный характер конфессиональных доктрин. Критика конфессиональной политики императора звучала как из православного, так и

из католического лагеря. Запрещение ордена иезуитов в 1820 г. явилось ударом российских властей не по католичеству, как зачастую считается, а по ультрамонтанистской оппозиции правительственному курсу. На международной арене против российской политики выступил и Папа Пий VII. Подобное заявление серьезно осложнило реализацию политической линии Петербурга, так как реакция главы католической церкви была определяющей в формировании общественного мнения среди католиков империи. В итоге основная цель российской конфессиональной политики – консолидация привилегированного сословия империи через придание универсального характера российской монархии – оказалась недостигнутой. Идея «внецерковного христианства» отдаляла монархию от православия и православных корней, но не приближала ни к католичеству, ни к протестантизму.

События конца 1810 – начала 1820 гг. продемонстрировали малую результативность религиозно-политического курса как внутри империи, так и на международной арене. В 1818 г. после празднования в Йенском университете 300-летия Реформации произошли студенческие волнения в Пруссии. Реакцией на них в Европе стало ограничение свободы университетского преподавания [11]. В России это было воспринято как свидетельство ошибочности российского видения идеологии «Священного союза». В начале 1820-х гг. были раскрыты тайные патриотические общества при Виленском университете. «Неблагодарные поступки молодежи второстепенной значимости», по характеристике М.К. Огинского, вызвали суровые меры властей [12]. События в западных провинциях России показали, что идея общехристианского государства не способна не только вдохнуть в старую самодержавную форму новое содержание, но и противостоять росткам национального самосознания. Особенно это связано было с развитием польского национального движения. Официальный отказ от данной государственной конфессиональной политики произошел в 1824 г. в виде отставки ее вдохновителя министра народного просвещения и духовных дел кн. А.Н. Голицына [6, с. 213].

Заключение. Присоединение земель Речи Посполитой изменило конфессиональную ситуацию в империи. В правление Екатерины II намечаются основные направления новой конфессиональной политики. В правление Павла I и Александра I были предложены ее особые варианты. С целью консолидации высшего сословия империи российскими властями предпринимается попытка обоснования и придания универсального характера государственной власти как через своеобразное обращение к прошлому, так и к современным на тот момент религиозно-философским идеям. Однако реализация государственных проектов натолкнулась на конфессиональный традиционализм, европейскую оппозицию гегемонистским устремлениям России и на развивающееся национальное движение, которое начинает использовать конфессиональную принадлежность в своих целях.

В последующем правлении Николая I происходит окончательное оформление российской доктрины государственно-конфессиональных отношений. Сделано это было ценой отказа от особой политической роли России в Европе и временного соединения религиозного монархического и секулярного национального принципов. Ситуация, в которой оказалась самодержавная Россия, не позволила ей стать государством одинаково справедливым ко всем своим подданным независимо от вероисповедания.

Л и т е р а т у р а

1. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е.Н. Филатова. – Минск: Бел. наука, 2006. – С. 6.
2. Восстание и война 1794 года в литовской провинции (по документам архивов Москвы и Минска) / сост. ред. и предисл. Е.К. Анищенко. – Минск: МНО, 2001. – С. 36.
3. Церковь о государстве / сост. А. Тускарев. – Старица: Старицкая типография, 1993. – С. 47.
4. Уния в документах / сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. – Минск: Лучи Софии, 1997. – С. 415.
5. Эйдельман, Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия / Н.Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1982. – С. 61.
6. Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700–1917 гг.: в 2 ч. / И.К. Смолич. – М.: Валаамский монастырь, 1997. – Ч. 1. – С. 383.
7. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя / А. Каппелер. – М., 1996. – С. 64.
8. Каргашев, А.В. Очерк по истории Русской Церкви: в 2 т. / А.В. Каргашев. – М.: Терра, 1997. – Т. 2. – С. 397.
9. Переминов, П.В. Под сенью восьмиконечного креста: [мальтийский орден и его связи с Россией] / П.В. Переминов. – М., 1991. – С. 160.
10. Антоний (Сушко), арх. О греко-униатской Церкви в западном крае / арх. Антоний (Сушко) // Русский вестник. – 1864. – С. 299.
11. Толстой, Д.А. Римский католицизм в России: в 2 т. / Д.А. Толстой. – СПб.: тип. В.Ф. Деманкова, 1876. – Т. 2. – С. 417.
12. Залуский, А. Время и музыка Михала Клеофаса Огинского / А. Залуский. – Минск: Четыре четверти, 1999. – С. 127.

S U M M A R Y

The work deals with the problem of development of confession policy in Russia during the period from 1772 to 1825. It is shown that the measures taken by Russian emperors have been aimed at the adaptation of the absolute monarchy regime to Russian and European realia at the end of the XVIIIth – the beginning of the XIXth centuries.

Поступило 29.01.2010